
П. А. ДРУЖИНИН

**ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНСКИХ РЕЛИКВИЙ:
ЧАСТИЦЫ ПОСЛЕДНЕЙ СОСНЫ
ИЗ МИХАЙЛОВСКОГО***

Говоря о пушкинских реликвиях, мы вступаем в достаточно таинственный мир вещей поэта. Таинственен он потому, что сам корпус пушкинских реликвий неоднороден: принадлежность многих вещей Пушкину документирована, то есть они безусловно ему принадлежали; ряд предметов был обретен позднее, и ныне они включены в корпус реликвий скорее по устоявшейся традиции, нежели на основании серьезных доказательств; еще часть предметов происходят из семьи Пушкиных и считаются реликвиями, но в действительности принадлежали они, скорее всего, другим представителям семейства, а не Пушкину лично.

Есть в этом корпусе и те, что возникли после смерти поэта спустя целое столетие, однако их подлинность, напротив, бесспорна, почему эти предметы прочно вошли в состав мемориального наследия Пушкина. Речь идет о сохранных Григорием Александровичем Пушкиным, сыном поэта и последним владельцем села Михайловское, фрагментах последней пушкинской сосны, сложенной бурей 5 июля 1895 года. Именно эти предметы оказались введены в 1890-е годы в корпус мемориального наследия отца. Именно эти реликвии стали предметом нашего исследования.

Этих реликвий сохранилось несколько, все они поистине драгоценны и, за исключением одной, бережно сохраняются в пушкинских музеях — Всероссийском музее А. С. Пушкина на Мойке и Пушкинском музее-заповеднике «Михайловское»; один — в частном собрании во Франции. Однако в литературе вопроса, достаточно обширной, мы не найдем ни особенных подробностей, ни точного числа, ни точной датировки изготовления этих реликвий, ни

* Благодарю М. В. Бокариус, Е. В. Кочневу, С. В. Павлову, Д. С. Плотникову, Я. А. Пономареву и Е. В. Старинкову за консультации и помощь в работе.

их индивидуальных особенностей. В беллетризованной форме их описание бытует в популярной литературе.¹ Но в любом случае, несмотря на неказистость описаний, важно подчеркнуть, что объединяющим для всех этих кусочков сосны является главное и обязательное качество реликвии — это непосредственная подлинность всех тех фрагментов пушкинской сосны, которые были сохранены Григорием Александровичем Пушкиным.

Людмила Петровна Февчук, посвятившая долгие годы исследованию личных вещей поэта, была осторожна в предположениях и насчитывала четыре пресса, три — ранее поступившие в Пушкинский Дом и впоследствии переданные в Музей А. С. Пушкина на Мойке, а также четвертый — первоначально принадлежавший А. А. Пушкину, — известный ей по литературе: «Григорий Александрович подарил куски последней из трех воспетых Пушкиным сосен различным лицам, в том числе своей родственнице и соседке М. А. Философовой, известному поэту К. К. Случевскому, географу, внуку А. П. Керн, впоследствии академику Ю. М. Шокальскому, а также А. А. Пушкину».²

Прежде чем приступить к изложению истории этих реликвий, как она нами устанавливается на основании различных источников, напомним вторую половину написанного в 1835 году стихотворения «...Вновь я посетил...», посвященного приезду в «Михайловское»:

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)

¹ См.: Гейченко С. С. У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. 5-е изд., доп. Л., 1986. С. 248; Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л., 1992. С. 80.

² Февчук Л. П. Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы. 2-е изд., доп. Л., 1984. С. 203.

Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; [кусты] теснятся
[Под сенью их как дети.] А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему всё пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

(III, 400)

Уместно также привести пророчество, изреченное А. И. Тургеневым вскоре после смерти А. С. Пушкина. Александр Иванович, сопровождавший тело поэта в Святогорский монастырь, описывает события того самого дня, утром которого гроб был опущен в землю:

...5 февраля, на рассвете, поехали мы опять в Святогорский монастырь; могилу еще рыли; моим гробокопателям помогали крестьяне Пушкина, узнавшие, что гроб прибыл туда; между тем как мы пели последнюю панихиду в церкви, могила была готова для принятия ящика с гробом — и часу в седьмом утра мы опустили его в землю. Я взял несколько горстей сырой земли и несколько сухих ветвей растущего близ могилы дерева для друзей и для себя, а для вдовы — просвиру, которую и отдал ей вчера лично. Простившись с архимандритом <...> я отправился обратно в Тригорское; оттуда с дочерью хозяйки, милою, умною и пригожею, я съездил в деревню Пушкина, за четверть часа по дороге от них, а прямо и ближе, осмотрел домик, сад, гульбище и две любимые сосны Поэта, кои для Русских будут то же, что дерево Тасса над Ватиканом в Италии и для всей Европы.³

³ Новые материалы для биографии Пушкина: (Из Тургеневского архива) / Публ. и предисл. А. А. Фомина // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 73; письмо А. И. Тургенева А. И. Нефедьевой от 9 февраля 1837 г.

История самих трех пушкинских сосен становилась предметом разысканий исследователей,⁴ а «в 1883 г., по словам Л. Поливанова, “сохранилась одна сосна, но уже лишенная зелени. Огромным темным остовом, раскинув голые сучья, стоит она”».⁵ В августе 1889 года, когда в Михайловском еще жил его последний владелец Г. А. Пушкин с супругой, село посетил литератор А. В. Половцов (1849—1905), оставивший следующий мемуар:

— А не хотите ли вы до обеда съездить посмотреть остатки знаменитых сосен? — предложил Григорий Александрович.

— С большим удовольствием!

Мы поехали лесом, но не по дороге в Святые Горы, а правее, по направлению к Тригорскому <...> Перед нами влево от дороги стоял огромный, сажени в две вышиной, черный обугленный пенёк, скорее ствол, фантастический силуэт которого резко выделялся на фоне неба.

— Что же это такое?!

— Это вот и есть единственный остаток последней из трех знаменитых сосен. Остальные сгорели совсем.

— Да отчего же они сгорели?

— Мальчишки-пастухи шалят, разводят огонь, смолу выжигают...⁶

В начале 1899 года, по зимнему еще пути, Михайловское посетил сотрудник газеты «Сын отчества» литератор А. А. Яблоновский (1870—1934), в беседе с которым Г. А. Пушкин также упоминал судьбу сосен:

За обедом разговор опять коснулся продажи Михайловского, причем Григорий Александрович сообщил мне, что испытывает чувство большой неловкости при определении цены имения. <...>

— Обвинений по моему адресу сыпались целые сотни, при этом выходило как-то так, что я всегда и во всем виноват. Так, например, меня обвиняли в том, что буря сломала те знаменитые три сосны, о которых писал отец <...>. Вообще, должен вам признаться, что я решительно не знаю, как мне себя вести, чтобы потрафить

⁴ См.: Коржов А. О. «...На границе владений дедовских... три сосны стоят...» // Михайловская пушкиниана. С. Михайловское, 2020. Вып. 79: Межнив златых и пажитей зеленых. С. 117—128.

⁵ Альбом «Пушкинский уголок» / Сост. В. П. Острогорский, с илл. В. М. Максимова. М., 1899. С. 96—97.

⁶ Половцов А. Поездка в Михайловское в августе 1889 года: (Отрывки из дневника) // Московские ведомости. М., 1899. № 146. 29 мая. С. 3.

на всех наших гг. корреспондентов: перевернешься — бьют, не довернешься — тоже бьют. Посадил я, например, на месте трех известных сосен другие сосны — кричат: вандал, он не ценит памяти отца, он посадил какие-то чахлые, ни на что не похожие сосны!

А я храню ствол одной из старых, сломанных бурей сосен, о которых он писал.⁷

И в том же году, еще до памятных дней, навестил сына поэта в Михайловском литератор Е. Н. Опочинин (1858—1928) и отдельно спросил его о пушкинских соснах:

— А знаменитые три сосны?

— Их также давно нет. Одной я уже не застал, а две другие повалило бурей. Долго стояли их пни, и много раз случилось мне тушить огонь, который раскладывали под ними крестьянские ребята-тишки. Один из пней, спиленный, я сохранил.⁸

И наконец, мемуар географа Ю. М. Шокальского (1856—1940), внука А. П. Керн (по матери), близко знавшего Г. А. Пушкина, с отрочества проводившего в Михайловском летние месяцы; он пишет о сыне поэта следующее:

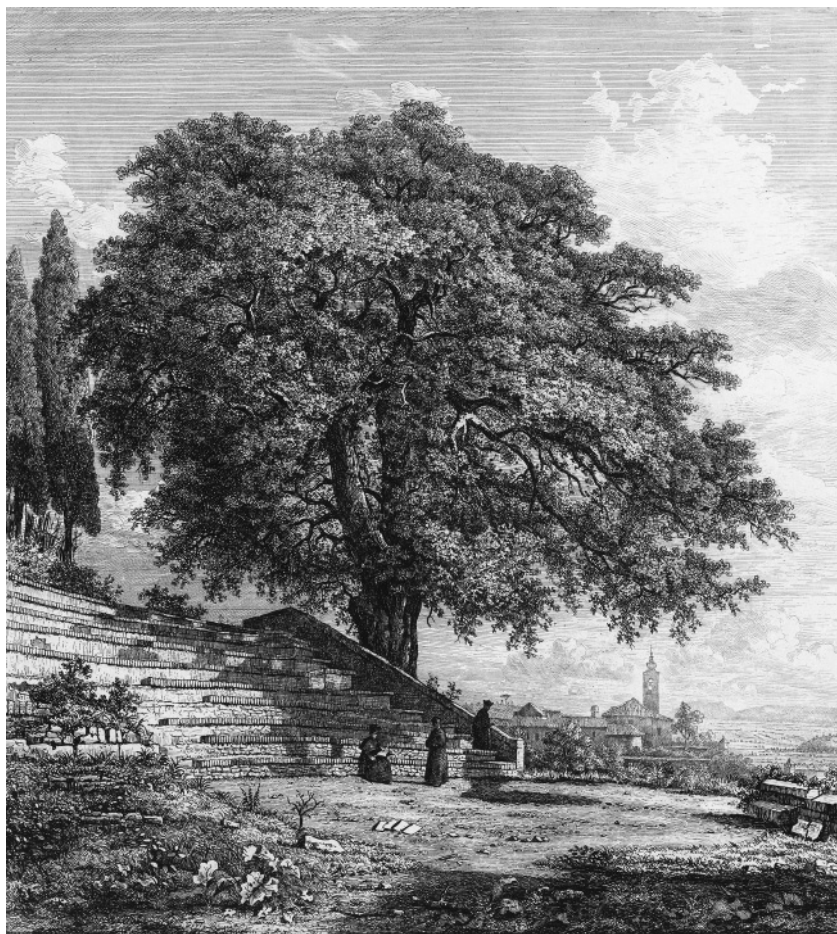
Михайловское он глубоко любил; весной 1899 года случилось мне быть в деревне и заехать к Григорию Александровичу. Весна была не особенно ранняя, на полях везде еще лежал снег и по утреннему морозу гладкая дорога вилась среди знакомых холмов и перелесков. Перед Михайловским дорога взбирается на небольшую возвышенность, где еще не так давно стояли «три сосны»; из них последнюю я особенно хорошо помню: толстая, слегка наклоненная, со сломанною верхушкою, она долго жила в таком виде, пока в июле 1895 г. ее не сломало окончательно бурей.⁹

К тому времени не было уже и Тассова дуба в Риме, который многие десятилетия был местом поклонения. Мы тоже знаем роковую дату: 20 сентября 1842 года. В этот день сильный утренний

⁷ «Сын отечества»: Александр Яблоновский. Встречи с Григорием Пушкиным / Публ. и примеч. В. А. Потресова // «Нас объединяет книга: Библиотечные встречи в Михайловском»: Сб. материалов VIII межрегионального фестиваля по продвижению книги и чтения «Осень в Михайловском», 14—16 сентября 2011. Псков, 2011. С. 65—68.

⁸ Опочинин Е. На родной земле. М., 1900. С. 36; 2-я паг.

⁹ Шокальский Ю. М. Григорий Александрович Пушкин: (Личные воспоминания) // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. С. 187—195.

Дуб Тассо в Риме.
Офорт А. Дж. Страта, середина XIX в.

ветер обрушил самую большую ветвь, а разразившаяся вечером буря перед полночью вырвала ствол с корнем,¹⁰ оставив небольшую часть дерева, да и то сожженную молнией. Вскоре монахи-иеронимиты обители Св. Онуфрия в Риме уже начали использовать останки дуба в качестве реликвий. Как отмечал побывавший в середине

¹⁰ Подробности этого дня см.: *Bazzoli L. Caduta della quercia detta del Tasso al monte Gianicolo di Roma // Il Pirata, Giornale di letteratura, belle arti e teatri. Milano, 1843. № 30. 13 Ottobre. P. 118.*

XIX века А. Н. Муравьев, «из сокрушенного бурею дуба Тассова делают различные вещи на память великого поэта, который в свою чреду сделался их питателем».¹¹ Кроме того, довольно быстро ствол был изрядно «ободран англичанами»,¹² а оставшаяся не сломанной небольшая часть дуба стояла сухой до осени 1891 года, когда и она оказалась снесена ветром.¹³ Жалкие остатки дуба привлекли к себе внимание в 1895 году, когда отмечалось трехсотлетие смерти Тассо, а в самом конце 1898 года власти города Рима установили у останков этого дерева мемориальную доску.¹⁴

Неизвестно, случайно ли это совпадение, но именно в это время сбылось пророчество А. И. Тургенева: пробудился интерес соотечественников к останкам пушкинской сосны. В начале 1899 года Г. А. Пушкин задумался пойти по пути монахов обители Св. Онуфрия.

Мы не знаем, как выглядели пушкинские сосны при их жизни. Если дуб Тассо в июне 1842 года, незадолго до роковой бури, запечатлен во всей красе живописцем Артуром Джоном Стратом (Strutt), который впоследствии награвировал свой рисунок, то пушкинским соснам не повезло. Имеется лишь подкрашенная фотография последней сосны после бури 1895 года, сделанная фотографом А. К. Красуским не позднее начала 1899 года.¹⁵ Впоследствии остаток этой сосны, взятый Г. А. Пушкиным, дал жизнь реликвиям, о которых пойдет речь.

Это, во-первых, крупные фрагменты ствола сосны, во-вторых, собственно напильные из фрагмента ствола бруски.¹⁶

¹¹ *Муравьев А. Н.* Римские письма: В 2 ч. СПб., 1846. Ч. 1. С. 116—117.

¹² *Яковлев В. Д.* Рим: Статья первая // *Сын отечества*. 1857. № 2. 13 янв. С. 38.

¹³ *La quercia del Tasso* // *La Gazzetta del Clero* (Roma) 1891. № 43. 8 Nov. P. 342.

¹⁴ *La quercia del Tasso* // *Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia* (Roma). 1898. № 278. 1 Dic. P. 4211.

¹⁵ ВМП, инв. ДФ-333 (КП 10801); экз. без подкраски — ВМП, инв. ДФ 1184 (КП 15144). Воспр.: *Васильев-Уикуйник Ф. А.* Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 62.

¹⁶ Случай ошибочного отнесения других деревянных предметов к остаткам пушкинской сосны мы оставляем за рамками нашей работы. Скажем, В. Г. Перельмутер пишет, что «небольшой кусок пня хранится в музее Пушкинского Дома» (Пушкин в эмиграции, 1937 / Сост., коммент., вступ. очерк В. Перельмутера. М., 1999. С. 556, примеч. 3), тогда как в музее ИРЛИ сохраняется фрагмент ствола «Ели-шатра» из Тригорского, которая была спилена в 1965 году (поступил от О. А. Пини; инв. ПД КП-3763).

*Остатки третьей пушкинской сосны.
Фото А. К. Красуского, между 1895 и 1899 (ВМП)*

Крупных частей сосны было несколько, но все они, за исключением одной, погибли. Вероятно, причина их гибели состоит в том, что на непросвещенный взгляд они ничего из себя не представляли игодились только на топку печи.

А.

Один фрагмент ствола, наиболее массивный, был пожертвован Г. А. Пушкиным весной 1899 года в Пушкинский музей при Императорском Александровском лицее. Он был отправлен почтой, и почтовая квитанция была отослана директору лицея Ф. А. Фельдману при письме, черновик которого сохранился в бумагах Г. А. Пушкина,¹⁷ а оригинал, датированный 14 мая, отложился в лицейских документах:

Ваше превосходительство Федор Александрович.

Имею честь просить Вас принять для музея Александра Сергеевича Пушкина при Императорском Александровском Лицее

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 246, оп. 1, № 34, л. 8 об.

остаток третьей сосны, воспетой в известном стихотворении моим отцом А. С. Пушкиным.

Квитанции на получение мраморной доски и сосны при сем прилагаю.¹⁸

19 октября листовка Пушкинского музея известила:

Среди ценных предметов, поступивших в Музей со времени выхода каталога, отметим:

1. Сабля поэта, подаренная ему гр. Паскевичем-Эриванским.
 2. Четыре бильярдные шара, принадлежавшие А. С. Пушкину.
 3. Пень от сосны из Михайловского.
- Все три предмета — от Григория Александровича Пушкина.¹⁹

Из перечисленных предметов два — сабля и бильярдные шары — были представлены на Пушкинской выставке в Академии наук; фотография этих предметов, причем включая футляр от сабли с серебряной накладкой, была помещена в журнале «Нива».²⁰

В мае 1899 года сам Г. А. Пушкин так описал фрагмент сосны: «дупло, которое я срыл и теперь послал в дар Лицею».²¹ Исходя из этого описания, можно подумать, что это был довольно большой фрагмент. Подтверждение находится в лицейском архиве. Приведем черновик письма Ф. А. Фельдмана начальнику Николаевской железной дороги П. П. Михальцеву от 26 июня 1899 года:

Милостивый Государь Петр Петрович
Григорий Александрович Пушкин, сын поэта, подарил Императорскому Александровскому Лицею пень, весом в 25 пуд<ов>, одной из трех сосен, воспетых его отцом в Михайловском.

Желая поставить это дерево в лицейском саду у подножия памятника А. С. Пушкина, предварительно обеспечив от порчи, обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою разрешить Шпалопропитному <!> заводу Николаевской железной дороги насытить названный пень сулемою (т. е. хлоридом ртути. —

¹⁸ ЦГИА СПб, ф. 11, оп. 1, № 476, л. 21 (в сокращении опубл.: Павлова С. В. Императорский Александровский (бывший Царскоевский) Лицей. СПб., 2002. С. 127).

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 665, оп. 1, № 1, л. 38.

²⁰ Чествование памяти Пушкина // Нива. 1899. № 25. 19 июня. С. 474.

²¹ Борнгардт Ф. В Тригорском и Михайловском: (От нашего специального корреспондента). 25 мая // Петербургская газета. 1899. № 144. 28 мая. С. 1; подп.: Ф. Б—гардт.

П. Д.) или хлористым цинком (не снимая коры) и приказать сообщить, когда он может быть доставлен на завод и что будет стоить его обработка.²²

Поясним, что 25 пудов — это более 400 кг. Ответ же и. о. начальника Николаевской железной дороги был следующим:

Имею честь уведомить, что Шпалопропиточный завод Николаевской ж. д. может произвести пропитку хлористым цинком обрубка дерева в 25 пудов, предположенного к постановке в саду Александровского лицея у подножия памятника А. С. Пушкина. Работа будет исполнена в две недели <...>. При этом считаю необходимым обратить внимание Вашего Превосходительства, что при пропитке посредством хлористого цинка дерево примет грязный синевато-зеленый цвет и может потерять кору, вследствие же свойства хлористого цинка быстро выщелачиваться из дерева, самое дерево не на продолжительное время предохранится от гниения.

Кроме пропитки дерева хлористым цинком существует еще два способа предохранения, из которых первый состоит в выварке дерева в течение 3—4 ч. в смеси из алюминия и кальция с уксуснокислым железом, второй — в обмазывании предварительно высушенного дерева разведенным раствором стекла. Препарировать дерево первым способом Шпалопропиточный завод не может за отсутствием в нем приспособлений, да и в Петербурге нет лаборатории, предназначенной для пропитки дерева таким способом, а она может быть произведена опытною станциею Гессельмана в Берлине, в Шарлоттенбурге <...>. По второму способу пропитка дерева достигается обмазыванием его разведенным раствором стекла от 3 до 5 раз; после каждого обмазывания надо дать дереву хорошенько высохнуть. Способ этот для данного случая тем более удобен, что исполнить его возможно на месте нахождения дерева, подлежащего пропитке.²³

Вскоре этот фрагмент был вкопан в землю в лицейском саду у памятника А. С. Пушкину работы И. Н. Шредера. Сохранилась фотография лицейстов перед этим памятником, 1900/01 года, на которой и виден этот массивный фрагмент, при котором имеется изготовленная Г. А. Пушкиным мемориальная табличка.²⁴

²² ЦГИА СПб, ф. 11, оп. 1, № 476, л. 57—57 об. (черновик — л. 53).

²³ Там же, л. 54—54 об.

²⁴ ВМП, инв. ДФ-620 (КП-12197).

*Лицейсты у памятника А. С. Пушкину
в саду Царскосельского лицея, 1900-е гг. (ВМП)*

Б.

Чурбанчик от этой сосны, длиной 62 см, был оставлен Г. А. Пушкиным в Михайловском при продаже имения. Он едва не погиб в пожаре в 1908 году, но был вынесен из огня и ныне сохраняется в собрании Пушкинского музея-заповедника.²⁵

²⁵ ГМЗ А. С. Пушкина «Михайловское». Инв. ПЗ-393. Описание и фото: Коржов А. О. «...На границе владений дедовских... три сосны стоят...». С. 120–122.

*Фрагмент юбилейной пушкинской выставки
в усадьбе Маркутье, 1937 (Литературный музей
А. С. Пушкина «Маркучяй», Вильнюс)*

В.

Массивная часть ствола, ближе к основанию, перевезенная Г. А. Пушкиным в виленское имение жены — Маркутье. Однако после того, как 10 октября 1939 года был заключен «Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой», СССР спешно вывозил из Вильно то, что мог вывезти. 16 октября 1939 го-

да очередь дошла до мемориальных материалов из Маркутья, которые реквизировались «для пополнения Пушкинского музея СССР», в числе их был и «сосновый пень — 1 (один)»;²⁶ до пункта назначения эти вещи не доехали, бесследно исчезнув.

Г.

Еще один фрагмент, который сохранился в Пушкинском музее при Александровском лицее, — возможно, спил с массивного фрагмента «А». Он известен нам по фотографии 1914 года, сделанной С. В. Штейном;²⁷ сама реликвия была утрачена в годы революции. Л. П. Февчук полагала, что именно этот фрагмент сохраняется в Михайловском²⁸ (см. далее), однако дошедшая до нас фотография не подтверждает сходства.

Д.

Возможно, в Михайловском имелся еще один фрагмент — спил ствола толщиной около 25 см, опаленный сбоку. Мы знаем о нем по сохранившейся фотографии.²⁹

Примерно в феврале 1899 года дети А. С. Пушкина обсуждали изготовление памятного серебряного венка к пушкинским торжествам в Святых Горах (он заказывался А. А. Пушкиным в Москве на фабрике Хлебникова). Мы не знаем, каким образом пришло сыну поэта решение начать делить лежавший у него обугленный ствол на мелкие части, но замысел этот датируется февралем 1899 года. Именно тогда было положено начало изготовлению нескольких пресс-папье из остатков пушкинской сосны. Приступим к их описанию.

Хронологически первое упоминание пресс-папье из пушкинской сосны относится к середине февраля 1899 года, когда Г. А. Пушкин отправил одно из таких пресс-папье А. А. Пушкину, который в тот момент гостил в Петербурге. А 20 февраля А. А. Пушкина посетил корреспондент газеты «Русский листок» А. Виноградов, который расспрашивал сына поэта в связи с предстоящим юбилеем. Перечисляя вещи отца, А. А. Пушкин добавил:

— А вот это недавно прислал мне из Михайловского мой брат, — заметил Александр Александрович, подавая мне деревян-

²⁶ Коржов А. О. «...На границе владений дедовских... три сосны стоят...». С. 123.

²⁷ ВМП, инв. ДФ-1920 (КП 25572).

²⁸ См.: Февчук Л. П. Портреты и судьбы. С. 203.

²⁹ ВМП, инв. ДФ 1921 (КП 23573).

ную дощечку в виде пресс-папье. — Это кусок последней сосны из тех трех, о которых писал мой отец. Она была сломана бурей 5-го июля 1895 года <...>

На одном из углов деревянной дощечки имеется серебряная пластинка, на которой выгравированы следующие строки бессмертного поэта.

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, — три сосны
Стоят: одна поодоль <так!>, две другие
Друг к другу <так!> близко...³⁰

Однако после того, как Григорий Александрович сделал пресс-папье для брата (о нем мы еще расскажем) и, по-видимому, для сестер, он отвлекся на подготовку к передаче в Пушкинский музей Александровского лица оставшихся у него отцовских реликвий, включая подаренную графом Паскевичем саблю. Точной датировке событий помогает сохранившееся письмо Василия Афанасьевича Кузнецова — управляющего петербургским магазином ювелирной фирмы наследников П. А. Овчинникова к Варваре Алексеевне Пушкиной от 12 марта 1899 года:

Ее Высокородию
Варваре Алексеевне Пушкиной.
ст. Святые горы Псковск. губ.

Магазин Овчинникова в С. Петербурге, прилагая при сем рисунок 1-ой из трех желаемых Вами надписей, имеет честь уведомить Вас, что 2 большие, серебряные доски будут стоить по 10 р., а маленькая — 5 р., и покорнейше просит сообщить, верно ли написано подчеркнутое на рисунке слово «Арзрум». — Все 3 доски могут быть исполнены в 1 неделю.

С совершенным почтением имею честь быть

По доверенности Овчинникова В. Кузнецов

Р. S. Я с своей стороны осмеливаюсь предложить более практический способ для надписей, не делать золочеными, потому что золото со временем сотрется, а залить эмалью темно-синего цвета, что будет и красиво и прочно.

³⁰ Виноградов А. У сына Пушкина // Русский листок. 1899. № 51. 21 февр. С. 2. Также см.: Февчук Л. П. Портреты и судьбы. С. 204. Укажем здесь, что тексты А. Виноградов передавал по своим записям, не всегда абсолютно точным.

В ожидании Вашего заказа

Имею честь именоваться
Вашим покорнейшим слугой
В. Кузнецов.³¹

К письму прилагался эскиз таблички на футляр сабли (сохранился при письме).³² Дальнейшие события говорят о том, что указанный выше заказ был осуществлен и Пушкины получили три таблички — одну для сабли и две для фрагментов сосны. Как можно судить по сохранившимся пресс-папье с финифтяными серебряными накладками, самым первым из них был тот, что впоследствии был подарен К. К. Случевскому.

1. Экземпляр, подаренный Г. А. Пушкиным К. К. Случевскому (собр. ВМП³³), в который вмонтирована под стекло печатная визитная карточка дарителя и надпись рукой самого Случевского.

На карточке рукой Г. А. Пушкина написано: «28 мая 1899 г. <Григорий Александрович Пушкин> Просит многоуважаемого Константина Константиновича принять на память кусок последней сосны воспетой его отцем»; в верхней части рукой К. Случевского: «Получена мною 30 мая по возвращении из Святых Гор. К. Случевский». Сбоку, на торцевой стороне, чернилами его же рукой: «Передать по моей смерти дорогому поэту Аполлонию Коринфскому. 17 июня 1899 г.»

Первоначально Г. А. Пушкин предполагал, что после торжеств в Святых Горах гости заедут в Михайловское: «Мне часто говорят, что прием гостей должен быть, так сказать, заключительным актом моего пребывания в Михайловском».³⁴ Однако днем шел дождь, а вечером погода настолько испортилась, что «ввиду крайне ненастной погоды (к дождю прибавилась еще и буря)»³⁵ была отменена часть программы торжеств и не состоялась поездка К. К. Случевского в Михайловское. Тем более что К. К. Случевский, прибывший накануне в Святые Горы как представитель Петербургской комис-

³¹ РО ИРЛИ, ф. 246, оп. 1, № 209, л. 1—1 об.; упоминается: Февчук Л. П. Портреты и судьбы. С. 167.

³² РО ИРЛИ, ф. 246, оп. 1, № 209, л. 3.

³³ ВМП, инв. Пр-813 (КП 15897), разм. 15,3 × 10,2 × 2,0, вес серебра 60 г; см.: Февчук Л. П. Личные вещи А. С. Пушкина: (Из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина). Л., 1968. С. 65 (воспроизведение — с. 62).

³⁴ «Сын отечества»: Александр Яблоновский. Встречи с Григорием Пушкиным. С. 64.

³⁵ Вольнец А. У могилы Пушкина, 26 мая // Московские ведомости. 1899. № 147. 30 мая. С. 4.

сии по чествованию А. С. Пушкина³⁶ и выступавший там с речью,³⁷ бывал в Михайловском прежде: в мае 1885 года он заезжал туда, останавливаясь на ночлег с 26 на 27 мая вместе с путешествующим по России великим князем Владимиром Александровичем; уже тогда Случевский отметил и новый дом вместо старого, и немногие оставшиеся после поэта мемориальные вещи.³⁸

Получив подарок, К. К. Случевский написал 3 июня 1899 года Г. А. Пушкину, уже вернувшемуся в Маркуты:

Высокопочитаемый Григорий Александрович!

Позвольте мне выразить Вам глубочайшую благодарность за бесценный знак внимания Вашего ко мне, мною вовсе не заслуженного, присылкою доски от последней из трех исторических сосен. Простите мне, но я, должен сознаться, умилился этою добротой Вашею, которая оставит во мне след самого яркого воспоминания о Св. Горах и встрече в них с Вами, и с супругою Вашею, в день исторического юбилея.³⁹

Судьба этого пресса описана Л. П. Февчук: «Случевский завещал эту реликвию поэту Аполлонию Коринфскому, однако она хранилась в семье до 1919 года, затем дочь Случевского передала ее студенту Хайкину, от которого, вероятно, ее и получил Э. С. Островский»,⁴⁰ который передал реликвию в Пушкинский дом в 1920-х годах. Можно указать и причину, по которой Случевский завещал свою реликвию А. Коринфскому: они оба присутствовали на торжествах 1899 года в Святых Горах и прибыли вместе.⁴¹

Мы считаем этот пресс самым первым из прессов с эмалевыми накладками на том основании, что форма верхней, большой, наклад-

³⁶ См.: *Волынец А. У могилы Пушкина, 24 мая* // Московские ведомости. 1899. № 145. 28 мая. С. 4.

³⁷ См.: Московские ведомости. 1899. № 145. 28 мая. С. 3.

³⁸ См.: *Случевский К. К. По северо-западу России: В 2 т. СПб., [1897]. Т. 1: По Северу России. С. 107–109.*

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 246, оп. 1, № 79, л. 1–1 об.; также см.: *Февчук Л. П. Портреты и судьбы. С. 204.*

⁴⁰ См.: *Февчук Л. П. Личные вещи А. С. Пушкина. С. 65.* Возможно, это неточность и последним владельцем была С. К. Островская; по крайней мере, в 1970 году Всесоюзный музей Пушкина приобрел у нее лаковую шкатулку, по преданию принадлежавшую А. С. Пушкину (см.: *Материалы пушкинской эпохи в собраниях ленинградских коллекционеров: Каталог выставки / Всесоюзный музей А. С. Пушкина; Сост. Г. И. Назарова, Л. П. Февчук, Н. А. Фрумкина. Л., 1970. С. 33. № 155).*

⁴¹ См.: *Волынец А. У могилы Пушкина, 25 мая* // Московские ведомости. 1899. № 146. 29 мая. С. 3.

ки этого пресс-папье аналогична той, что была сделана фабрикой Овчинниковых для футляра от сабли, то есть горизонтальный прямоугольник.

После того как Пушкины получили этот заказ, они решили его повторить, и на фабрике Овчинниковых для них исполнили еще несколько серебряных накладок. При этом были внесены некоторые изменения: текст на верхней, большего размера, накладке следовало расположить не по длинной (как было нужно и для футляра сабли), а по короткой (как было первоначально задумано супругами) стороне прямоугольника, то есть чтобы накладка эта закреплялась вертикально.

Таких накладок фабрика Овчинникова изготовила не менее трех пар, потому что к настоящему времени известно о трех прессах с финифтяными накладками такого типа. Один из них публикуется в настоящем издании впервые.

2. Экземпляр, подаренный Г. А. и В. А. Пушкиными Марии Алексеевне Философовой (1857—1942), младшей сестре Варвары Алексеевны (ВМП).⁴²

Л. П. Февчук пишет в научном музейном паспорте предмета: «Григорий Александрович Пушкин (сын) подарил этот пресс Марии Алексеевне Философовой (сестре своей жены и соседке по имени); ее сын М. Д. Философов по ее поручению после ее смерти передал эту реликвию в 1924 г. в Пушкинский Дом. Передана ВМП в Пушкинский заповедник во временное хранение».⁴³

С 1949 года в течение четверти века эта реликвия лежала в экспозиции музея Пушкина в Михайловском.⁴⁴

3. Экземпляр, ныне экспонирующийся в Пушкинском заповеднике в Михайловском.⁴⁵ История его такова: «В 1974 году 5 июля, как раз в годовщину гибели сосны, в дар от Янины Максимовны Лебедевой (Ленинград) нашим музеем был получен один из прессов. В дарственной Я. М. Лебедева пишет: “Эта вещь досталась мне от моего мужа, Лебедева Бориса Вениаминовича, которому,

⁴² ВМП, инв. Пр-825 (КП 16114), разм. 15,6 × 10,1 × 2,2; вес серебра 60 г; общий вес 270 г. См.: Февчук Л. П. Личные вещи А. С. Пушкина. С. 64—65.

⁴³ Инвентарный паспорт, ВМП.

⁴⁴ Формально пресс передан ИРЛИ в ВМП актом № 37 от 16 декабря 1953 года; инв. номер ИРЛИ 2882.

⁴⁵ Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское», инв. ПЗ-КП-2428.

в свою очередь, она досталась от отца, коллекционера предметов старины и искусства Лебедева Вениамина Михайловича».⁴⁶

От себя поясним, что В. М. Лебедев был одним из наиболее опытных ленинградских букинистов середины XX века, занимал должность директора знаменитого букинистического магазина на Литейном, 59. П. Н. Берков называет его «одним из культурнейших ленинградских антикваров».⁴⁷ То обстоятельство, что В. М. Лебедев активно работал и в годы войны и блокады, может объяснить, каким образом подобная реликвия попала в его руки.

Что же касается возникающего вопроса, почему В. М. Лебедев, имея в своем собрании столь исключительный предмет, никогда не упоминал о нем и никому его не показывал, то на него мы можем дать ответ. Дело в том, что принятое 4 марта 1938 года Постановление Совета народных комиссаров СССР № 256 «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина» предписывало: «Сосредоточить в Государственном музее А. С. Пушкина все материалы, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина: подлинные рукописи поэта, архивные дела и документы, живопись, графику, скульптуру, предметы быта, редкие книги и др. материалы».⁴⁸ После этого все те рукописи Пушкина и мемориальные предметы подлежали передаче в Пушкинский Дом. То есть само объявление о наличии в частных руках рукописи поэта или реликвии, подобной «частице пушкинской сосны», привело бы к передаче предмета на государственное хранение. Но В. М. Лебедев, как собиратель, не передал реликвию государству.

4. И наконец, экземпляр, принадлежавший непосредственно Г. А. Пушкину, с которым Вера Алексеевна, живя в Маркутье и имея крупный фрагмент ствола сосны, смогла расстаться после смерти мужа, подарив тому, кто приехал ее навестить в день рождения Г. А. Пушкина (частное собрание, Франция).⁴⁹ На боковой стороне пресса имеется дарительная надпись чернилами: «На память от В. Пушкиной / Леше(?) 15 августа 1906 г. / Маркутье».

⁴⁶ Пушкинский заповедник и его хранитель: К 100-летию со дня рождения Семена Степановича Гейченко: Буклет-каталог выставки / Гос. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское». Псков, 2003. С. 54.

⁴⁷ Берков П. Н. История советского библиофильства (1917–1967). М., 1983. С. 201.

⁴⁸ Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР № 256 «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина», 4-го марта 1938 г. // Советский музей. М., 1938. № 4, апрель. С. 47.

⁴⁹ Размер: 15,3 × 10,0 × 2,2.

Пресс-папье из пушкинской сосны, принадлежавшее Г. А. Пушкину, 1899 (Частное собрание, Франция)

Возможно, адресат надписи — Алексей Павлович Мельников (1886 — после 1932), племянник и крестник Варвары Алексеевны, впоследствии живший несколько лет в Маркутье.

Эта реликвия после революции попала за границу и выставлялась на Пушкинской юбилейной выставке в Париже с 16 марта по 18 апреля 1937 года. Приведем фрагмент описания этой выставки: «В четвертой витрине собраны разного рода реликвии Пушкина.

Назовем прежде всего два автографа Пушкина <...>. Тут же две печатки — личная, Пушкина, и, по преданию, подаренная им его жене, и паспорт, выданный 5 мая 1820 года, с которым поэт (на другой же день) выехал из Петербурга на юг России. Трогательный кусочек последней сосны Михайловского, разрушенной бурей 1895 года, с серебряной дощечкой, на которой выгравированы стихи из “Отрывка” 1835 года...»⁵⁰ Реликвия хранится в частной коллекции (Франция) и является единственным фрагментом пушкинской сосны, не попавшим на государственное хранение.

Говоря о четырех перечисленных выше пресс-папье, нужно отметить их несомненные общие черты. Все накладки имеют крупные отверстия, по четыре на каждой; во всех четырех прессах накладки прикреплены одинаковыми достаточно крупными металлическими шурупами — с коническим стержнем и полукруглой головкой с заметным глубоким шлицем (что наряду с большим размером отверстий и шурупов также достаточно необычно, потому что в подобных случаях употреблялись небольшие шурупы с потайной или полупотайной головкой и тонким шлицем); сами шурупы латунные с гальваническим серебрением (частично стертым в силу формы головки). Экземпляры также идентичны по сукну на исподней стороне (все они сохранили первоначальную ткань). Мы допускаем, что окончательная сборка пресс-папье тоже производилась в мастерской. Важным и сугубо индивидуальным признаком этих четырех прессов является темно-синяя финишь, которой залита вырезанная надпись. В завершение же скажем и о наличии на каждой из накладок клейма фабрики — «М. Овчинников»⁵¹ под императорским орлом (это клеймо петербургского отделения фабрики серебряных изделий наследников П. А. Овчинникова, принадлежавшего Михаилу Павловичу Овчинникову⁵²).

Если же говорить об индивидуальных особенностях каждой из накладок, то, кроме указанного отличия первого прессы, отметим, что изготовленные на фабрике Овчинниковых серебряные накладки делались вручную, то есть надпись на каждой мастер вырезал резцом, почему каждая из накладок имеет отличия как в межстрочном рас-

⁵⁰ Гофман М. Л. Пушкин и его эпоха: Юбилейная выставка в Париже // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935—1937): В 2 т. / Сост. М. Д. Филин. М., 2000. Т. 2. С. 496—497.

⁵¹ См.: Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л. Золотое и серебряное дело XV—XX вв.: (Территория СССР). М., 1995. С. 221. № 2673.

⁵² Весь Петербург на 1899 год: Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, [1899]. С. 1199.

стоянии, так и в расположении букв и межбуквенных интервалах. Кроме того, лишь в первом варианте «Михайловское» написано с 'и кратким', а в остальных случаях с 'и' — «Михаиловское».

Находясь в Вильно, Г. А. Пушкин в середине мая 1899 года отправил в адрес Императорской Академии наук вещи отца — саблю графа Паскевича и бильярдные шары. Несмотря на то что в каталог выставки они уже не попали, перед тем как передать реликвии в лицейский музей, Григорий Александрович решил украсить ими Пушкинскую выставку в Академии наук. 14 мая 1899 года Г. А. Пушкин отправил почтовую квитанцию на получение этой посылки на имя Непременного секретаря Академии наук Н. Ф. Дубровина (1837—1904) при следующем письме:

Ваше Превосходительство
Николай Федорович.

Имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, принять на выставку в Императорскую Академию Наук турецкую саблю и бильярдные шары, принадлежавшие покойному отцу моему А. С. Пушкину.

Квитанция на получение этих вещей прилагается.

С истинным почтением остаюсь глубоко уважающий Вас и преданный Вашему Превосходительству

Григорий Пушкин
14 мая 1899 г.
Вильно.⁵³

После выставки эти два предмета перешли в Пушкинский музей Александровского Лицея, по крайней мере, один из хранителей музея, А. Н. Яхонтов, направил Б. Л. Модзалевскому тогда следующее послание: «Директор Лицея просил передать Вам, чтобы Вы были добры переслать в Лицей саблю и бильярдные шары, которые Григор<ий> Алекс<андрович> Пушкин пожертвовал в наш Музей...»⁵⁴ 4 июня 1899 года сабля и шары были доставлены извозчиком в Александровский лицей.⁵⁵ Как мы сказали, в каталог выставки эти предметы не попали, как не попал и фрагмент пушкинской сосны, который вовсе не фигурирует в сохранившейся переписке о реликвиях на академической выставке. Однако пресс-папье не только было на академической выставке, но и зафиксировано на фотографии витрины с реликвиями. Объясняется это тем, что на выставку фрагмент предоставил А. А. Пушкин.

⁵³ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 247, л. 50.

⁵⁴ СПбФ АРАН, ф. 2, оп. 1 (1899), № 38, л. 69 об.

⁵⁵ Там же, л. 101.

Последний, хотя и сказал первоначально о том, кто ему прислал брусок из сосны, в дальнейшем имени брата не упоминал и уже лично от себя предоставлял реликвии на пушкинские выставки в обеих столицах. Мы отмечаем как минимум два пресс-папье такого типа.

5. Экземпляр А. А. Пушкина, сына поэта (ВМП),⁵⁶ присланный ему братом незадолго до 20 февраля 1899 года и впоследствии лежавший у него на письменном столе. Он отмечен в опубликованных в 1930-е годы устных воспоминаниях его дочери: «Елена Александровна помнит, что у отца берется еще кусок сосны с серебряной дощечкой, присланный из Михайловского».⁵⁷

Унаследована же реликвия была ее братом, Н. А. Пушкиным (1885—1964) (внуком поэта), который также эмигрировал и с 1923 года жил в Брюсселе; затем пресс перешел к его сыну А. Н. Пушкину и затем внуку А. А. Пушкину. О том, что предмет этот сохранился у потомков поэта, стало известно в 1965 году, когда в журнале «Огонек» был помещен очерк М. Л. Поляновского о Пушкиных, живших в Брюсселе. Автор описал и интересующий нас предмет:

Но, пожалуй, самая дорогая реликвия, хранящаяся в семье Пушкиных, — гладко обрезанный по краям большой кусок дерева. Это частица сосны, стоявшей в Михайловском при жизни поэта. Сохранил ее сын А. С. Пушкина — Александр Александрович. Он прикрепил к сосновому бруску две металлические дощечки. На каждой выгравирован текст...⁵⁸

В 1984 году А. А. Пушкин, праправнук поэта и последний из ныне живущих прямых потомков А. С. Пушкина, пожертвовал эту реликвию Музею А. С. Пушкина на Мойке.

5а. В данной связи нужно сказать и об экземпляре, который А. А. Пушкин предоставил на Пушкинскую выставку Общества любителей российской словесности при Московском университете, развернутую в 1899 году в шести залах Исторического музея.

⁵⁶ ВМП, инв. Пр-2048 (КП 31982); разм. 15,5 × 10,2 × 2,5.

⁵⁷ Лукаш И. С. Внуки Пушкина в изгнании // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935—1937). Т. 2. С. 80. Поскольку об экземпляре Г. А. Пушкина ранее не было известно, то предполагалось, что этот экземпляр был и на парижской выставке 1937 года (см.: Пушкин в эмиграции, 1937. С. 556, примеч. 3).

⁵⁸ Поляновский М. У Пушкиных // Огонек. 1965. № 33. С. 23.

Еще в начале февраля Пушкинская комиссия Общества обратилась к ряду лиц, в том числе и к А. А. Пушкину, с просьбой предоставить на предстоящую выставку мемориальные предметы или рукописи.⁵⁹ 14 марта А. А. Пушкин направил письмо на имя председателя комиссии А. И. Кирпичникова с согласием и приглашением членам комиссии посетить его дом для отбора экспонатов;⁶⁰ 16 марта в заседании Пушкинской комиссии было «доложено письмо генерал-лейтенанта А. А. Пушкина о том, что он с величайшим удовольствием готов предоставить в распоряжение Пушкинской комиссии все, что имеет из вещей, принадлежавших его покойному отцу — А. С. Пушкину».⁶¹ И только 27 апреля, будучи приглашен на заседание комиссии, «сын поэта А. А. Пушкин заявил, что, в добавление к предметам, ранее предоставленным на выставку, он может доставить обломок “последней сосны”, упоминаемой в стихотворении “Опять на родине” и сломленной бурей в 1895 году — Принято с благодарностию».⁶² Вскоре сообщение об этом было напечатано:

В тринадцатом заседании Пушкинской комиссии <Общества любителей российской словесности> принимали участие сын поэта, генерал-лейтенант А. А. Пушкин, и внук поэта, бронницкий уездный предводитель дворянства А. А. Пушкин. Было сообщено о нескольких новых предметах, доставленных или обещанных на выставку. Сын поэта А. А. Пушкин сообщит, кроме других предметов, о которых было известно раньше, сохранный им на память кусок последней Пушкинской сосны в Михайловском, сломленной грозой в 1895 г. В Императорском Историческом музее Пушкинская выставка займет шесть зал...⁶³

Когда 29 мая 1899 года в Историческом музее в Москве открылась Пушкинская выставка, продлившаяся лишь до 11 июня, пресса из пушкинской сосны на ней еще не было,⁶⁴ как не попало и описание этого экспоната в альбом выставки.

⁵⁹ НИОР РГБ, ф. 207, карт. 13, № 2, л. 11, 25.

⁶⁰ Там же, карт. 23, № 26, л. 1.

⁶¹ Там же, карт. 13, № 2, л. 36; упоминается: Пушкинская тема на заседаниях Общества любителей российской словесности // Пушкин и Общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 1991. С. 125.

⁶² НИОР РГБ, ф. 207, карт. 13, № 2, л. 53; упом.: Там же. С. 126.

⁶³ [Б. п.] К юбилею Пушкина // Исторический вестник. 1899. Т. 76. № 6. С. 1107—1108.

⁶⁴ Открытие Пушкинской выставки // Московские ведомости. 1899. № 147. 30 мая. С. 3.

Поскольку фотография этого выставочного предмета не сохранилась, а отдавались предметы на обе пушкинские выставки владельцами временно — то есть не дарились, — имеется большая вероятность, что как раз именно этот пресс впоследствии оставался в семье А. А. Пушкина.

6. Экземпляр, представленный сыном поэта А. А. Пушкиным на Пушкинскую выставку, организованную Императорской Академией наук в Петербурге (ныне утрачен).

Поскольку, как мы сказали выше, сама идея реликвий из пушкинской сосны едва не опоздала к торжествам, то в каталог выставки этот пресс не попал; по этой же причине он не был зафиксирован фотографом К. К. Буллой, когда тот по заказу Академии наук фиксировал вид витрины с вещами, принадлежавшими А. С. Пушкину⁶⁵ (эта фотография была воспроизведена в журнале «Нива»⁶⁶).

При открытии Пушкинской выставки в Академии наук, состоявшемся 16 мая 1899 года, пушкинской сосны также не было, как не попал этот экспонат в каталог. Впрочем, в числе не включенных в каталог пушкинских вещей оказались также другие реликвии, но они были отмечены в прессе: чернильница в виде гробницы Наполеона, гусиное перо Пушкина, прядь волос в серебряном медальоне и кольцо с талисманом.⁶⁷ Однако на фотографию той же витрины, сделанную чуть позднее фотографом А. А. Насветевичем, пресс этот все-таки попал.⁶⁸

Анатолий Половцов, видевший в 1889 году остаток сосны в Михайловском, поместил обзор Пушкинской выставки в Императорской Академии наук. Приведем фрагмент:

Трогательное впечатление производит витрина с Пушкинскими реликвиями. Здесь локон его черных волос в медальоне, здесь роковая пуля, сразившая его <...>.

Тут же лежит кусок последней из трех сосен в Михайловском, воспетых Пушкиным в стихотворении «Опять на родине». Сосна эта сломана, как сказано в объяснительной надписи на медной <так!> дощечке, ветром в 1895 году. Меня поразил щегольской белый вид этого куска дерева, так как я эту самую сосну видел в 1889 году в виде большого совершенно обугленного пня, который

⁶⁵ ВМП, инв. ДФ-1550 (КП 19721).

⁶⁶ Чествование памяти Пушкина // Нива. 1899. № 25. 19 июня. С. 474.

⁶⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1899. № 132. 17 мая. С. 4.

⁶⁸ ВМП, инв. ДФ-1494 (КП 13549).

я тогда же зарисовал. Приходится допустить, что черная снаружи сосна сохраняла в глубине своей белоснежную чистоту.

Рукописей Пушкина на выставке много...⁶⁹

Благодаря исключительно высокому качеству сделанной фотографии, которая в деталях передает фактуру поверхности дерева (в тот момент еще светлого, как и серебряная пластина), мы можем увидеть, что этот пресс отличен от предыдущего, то есть можно быть уверенным, что это другой экземпляр. Возможно, он принадлежал одной из сестер, по крайней мере, было бы логично предположить, что Григорий Александрович направил такие прессы не только брату, но и сестрам Марии и Наталье.

Эта группа прессов отличается от предыдущей. Отличие состоит в серебряных накладках, которые были заказаны у обычного серебряных дел мастера, который даже не поставил своего клейма. Текст нарезан без покрытия финифтью и имеет небольшие различия в сравнении с текстом финифтяных накладок («поодаль» вместо «по-одаль», а также пунктуационные различия); крепление накладок произведено с помощью серебряных гвоздей (четырьмя большая накладка, и двумя — малая).

И наконец, последнее из сохранившихся пресс-папье было создано на три с половиной года позднее:

7. Экземпляр Ю. М. Шокальского⁷⁰ был передан в Пушкинский Дом в 1920-е годы самим географом. Этот пресс имеет иное оформление, что объясняется обстоятельствами: Юлий Михайлович, получив в качестве рождественского подарка в 1903 году от Г. А. Пушкина брусок пушкинской сосны, украшение делал уже самостоятельно, очевидно, по возвращении в Петербург. Поэтому именно этот пресс отличают индивидуальность и фантазия при декоративном оформлении, даже роскошь: массивная металлическая ручка в виде сосновой шишки, а также накладные металлические изображения молний, которые иллюстрируют судьбу пушкинской сосны. Поскольку пресс этот был покрыт лаком, то он заметно светлее, нежели все прочие, которые изначально не имели никакого покрытия и сильно потемнели от времени.

Этот пресс благодаря ручке единственный представляет собой подобие пресс-бювара, в отличие от остальных, которые являются

⁶⁹ *Половцов А.* Пушкинская выставка в Академии наук // *Московские ведомости.* 1899. № 149. 1 июня. С. 3.

⁷⁰ ВМП, инв. Пр-1063 (КП 16321); разм. 15,5 × 10,1 × 7 (с учетом ручки).

классическими пресс-папье. На имеющейся накладке вырезана надпись — цитата из А. С. Пушкина (притом с указанием «А. Пушкин»), а также дата роковой бури, что повторяет в целом традицию надписей на этих реликвиях. В нижней части серебряной накладки начертана легенда: «Получен этот кусок сосны мною от Гр. Ал. Пушкина 5 января 1903 г. в Вильне. Ю. Шокальский».

Теперь мы можем подвести итог.

Мысль об изготовлении реликвий из последней пушкинской сосны пришла Г. А. Пушкину в феврале 1899 года — к тому времени в Михайловском сохранялся большой фрагмент ствола с основанием этой сосны, сломленной бурей 5 июля 1895 года. Установлено, что существовало четыре различных крупных фрагмента ствола, из которых уцелел лишь фрагмент в музее «Михайловское».

В конце десятых чисел февраля 1899 года Г. А. Пушкин прислал в Петербург брату пресс с серебряными накладками (№ 5); тогда же, вероятно, были сделаны и еще два прессы — для сестер Марии и Натальи (не сохранились); два прессы такого типа выставлялись на пушкинских выставках (№ 5а и 6). В марте 1899 года В. А. Пушкина заказала пару серебряных накладок для деревянных брусков из пушкинской сосны в петербургской мастерской М. П. Овчинникова, после чего были заказаны еще несколько пар накладок, готовые не позднее мая. Сохранилось четыре таких прессы, которые сделаны Г. А. Пушкиным и супругой (№ 1—4); главное их отличие состоит в том, что текст надписей залит синей финифтью. Самым первым из них был подаренный К. Случевскому (№ 1). Наконец, седьмой пресс был изготовлен по заказу Ю. М. Шокальского, получившего брусок сосны от Г. А. Пушкина в январе 1903 года (№ 7).

Из шести дошедших до нашего времени реликвий четыре сохраняются в Музее А. С. Пушкина в С.-Петербурге, одна — в музее-заповеднике «Михайловское», и одна, ранее принадлежавшая Г. А. Пушкину, — в частном собрании во Франции.

Таким образом, расхожее мнение, что «Гр. Ал. Пушкин ничего не сделал, чтобы увековечить не только память отца как человека, но и память поэта Пушкина»,⁷¹ кажется нам излишне категоричным, поскольку драгоценную пушкинскую сосну он не просто сохранил, но и ввел ее частицы в корпус пушкинских реликвий.

⁷¹ Васильев-Ушкуйник Ф. А. Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 47.